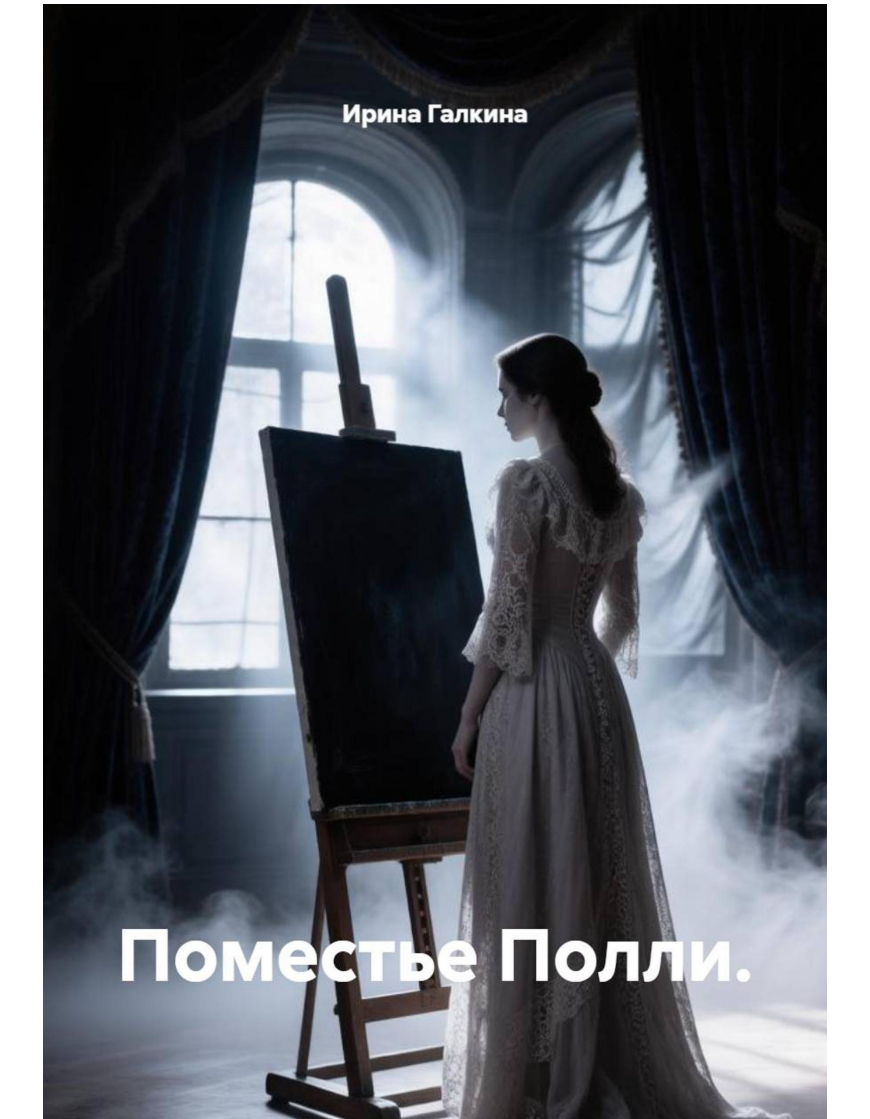

Ирина Галкина

Поместье Полли.

Ирина Галкина

Поместье Полли.

<https://litres.ru/74191122>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцать дней в заброшенном особняке в обмен на безбедную жизнь. Это простое условие завещания кажется художнику Марку и его жене Анне спасением. Но величественное поместье Полли не любит чужаков.

Быт быстро превращается в изнуряющий кошмар, а по ночам из-под дубового паркета гостиной начинает доноситься ритмичный, пугающий скрежет. Кто-то очень хочет выбраться наружу. И пока Марк медленно сходит с ума от страха, Анна понимает: особняк ждал именно её.

«Поместье Полли» — первая книга мистического цикла «Голоса старых стен». Атмосферный готический хоррор, в котором семейные тайны оказываются страшнее призраков.

Содержание

Глава	4
Голоса старых стен	5
Книга 1: Поместье Полли. Шёпот под половицами	5
День 8: Семейный портрет	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ирина Галкина Поместье Полли.

Глава

Голоса старых стен

Книга 1: Поместье Полли. Шёпот под половицами

Обустроить быт в поместье Полли оказалось задачей почти невыносимой. Дом словно саботировал любую попытку сделать его обжитым. Вода из старого колодца во дворе шла мутная, с сильным привкусом ржавчины и железа — Марку казалось, что он пьет жидкую кровь. Дрова в камине не горели, а лишь упрямо тлели, наполняя гостиную едким, сизым дымом, от которого слезились глаза и першило в горле.

Анна часами пыталась отмыть вековую пыль с дубовых панелей, но уже к следующему утреннему чаю всё — тарелки, подоконники, даже поверхность остывшего за ночь масла в масленке — снова покрывалось тончайшим серым налетом. Вещие, оставленные на столах, к утру оказывались влажными. Постельное белье пахло подвалом, и никакие проветривания не помогали изгнать этот запах склепа. Обычный быт превратился в бесконечную, изматывающую войну с грязью и сыростью, в которой особняк побеждал по всем фронтам.

Марк ненавидел свою слабость. Сидя в полутемной гости-

ной, он то и дело возвращался мыслями к их жизни в городе. Тесная комнатуха, вечные счета, снисходительные улыбки галеристов, которые отказывались брать его картины на выставки... Он привез Анну сюда не из-за любви к готической романтике, а потому что ему банально нечем было платить за аренду их прежней конуры. Этот особняк был его последним шансом доказать себе и миру, что он не ничтожество с кистью.

Но теперь, глядя на чистый холст, он чувствовал только глухой, парализующий страх. Мысли путались. Ему казалось, что за его спиной кто-то стоит и оценивающе дышит в затылок.

«Ты не сможешь», — шептал ему этот холодный сквозняк. Но одновременно с этим внутри рождалось странное, лихорадочное упрямство. Марк чувствовал, что если он напишет то, что требует от него этот дом, он создаст свой главный шедевр. Чего бы ему это ни стоило.

В городе Анна всегда чувствовала себя невидимкой. Она была просто «женой талантливого, но непризнанного художника», послушно сносящей его капризы и безденежье. Но здесь, в поместье Полли, всё изменилось. Переступая порог комнат, Анна ощущала странную, вибрирующую силу, которая поднималась от половиц прямо к её сердцу. Портреты на стенах больше не пугали её — они смотрели на неё с вековым, молчаливым одобрением. Она была их продолжением.

С каждым днем Марк казался ей всё более мелким, сует-

ливым и чужим. Зачем он ворчит из-за дыма? Почему бледнеет от каждого скрипа половиц? Он ведет себя как испуганный воришка, пробравшийся в чужой замок. Анна ловила себя на мысли, что ей неприятны его прикосновения — его руки казались ей слишком теплыми, суетливыми и какими-то... смертными. Дом шептал ей, что Марк здесь лишний. Он — всего лишь гость, в то время как она — полная хозяйка, которая наконец-то вернулась домой.

День 8: Семейный портрет

Пыльные бархатные портьеры гостиной были задернуты, пропуская лишь узкие, острые, как лезвия, лучи полуденного солнца. В этих лучах лениво кружились миллиарды пылинок, похожих на пепел. Марк установил мольберт так, чтобы свет падал на левую половину лица Анны.

Анна сидела в огромном кресле с высокой резной спинкой, обитой выцветшим гобеленом. Вчера она нашла в гардеробной на третьем этаже тяжелую шелковую шаль глубокого сливового цвета, расшитую тусклыми серебряными нитями. Шаль пахла сухим нафталином и увядшими, рассыпающимися в прах розами. Марк просил её снять эту вещь, но Анна лишь плотнее укутала в неё худые плечи.

Марк сделал первый штрих прессованным углем по плотной бумаге. Сухой, шуршащий звук прозвучал в тишине гостиной слишком громко, почти как скрежет когтя по стеклу.

— Анни, наклони голову чуть правее, — попросил Марк, не отрывая взгляда от листа. — Свет теряется на твоей щеке.

Она не ответила и не пошевелилась. Её взгляд был устремлен куда-то сквозь Марка, в темный угол гостиной, где затаились тяжелые напольные часы. Они молчали уже лет сорок, но Марку казалось, что из их закрытого деревянного корпуса всё равно исходит глухое, едва различимое вибрирующее тепло.

— Анна? — позвал он мягче.

— Я слышу тебя, Марк, — её голос прозвучал удивительно ровно, без единой интонации. Она не повернула головы. — Я просто думаю о том, как долго эта шаль ждала меня в темноте шкафа. Почти полвека. Шёлк помнит тепло кожи тетушки Полли. Он... словно живой.

Марк на мгновение замер. Рука с углем зависла над бумагой. Он посмотрел на жену внимательнее, прищулив левый глаз. С ней действительно что-то происходило. За те восемь дней, что они провели в поместье, её привычная, немного сутулая осанка творческого человека исчезла. Теперь она сидела неестественно прямо, вытянувшись в струну, словно её позвоночник поддерживал невидимый стальной стержень. Кожа на лице казалась бледнее обычного, почти прозрачной, а под глазами залегли мягкие фиолетовые тени. Она выглядела изящной, строгой и... бесконечно чужой.

— Отличный ракурс, — пробормотал Марк, пытаясь сбросить наваждение, и быстро зачертил по бумаге.

Линии ложились легко, даже слишком легко. Но сейчас его пальцы словно жили своей жизнью. Вместо мягкого овала лица Анны уголь вывел резкие, острые скулы. Тень под подбородком получилась слишком глубокой, похожей на черный провал. Марк нахмурился, потянулся за клячкой, чтобы потереть рисунок, но передумал. Он продолжил работать, штрихуя тяжелые складки шали. Под его пальцами ткань на бумаге начала казаться не шёлком, а зловещими,

переплетенными ветвями сухого плюща, которые медленно поднимались от сиденья кресла, обвивая шею Анны.

«Что я пишу?» — пронеслась в его голове паническая мысль. Он взглянул на оригинал.

Анна сидела неподвижно. Её грудь вздымалась так редко и тихо, словно она почти не нуждалась в воздухе особняка. В тусклом свете её глаза казались абсолютно черными — зрачки расширились, поглотив радужку.

— Марк, — тихо произнесла она, и от её голоса по спине художника пробежал неприятный холодок. — Как ты думаешь, почему на портретах в коридоре стерты лица?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.